

Валерий Гергиев

СЕРГЕЙ СЕМЕНОВ/КОММЕРСАНТЪ

21 МАЯ ОТКРЫВАЕТСЯ ОЧЕРЕДНОЙ ФЕСТИВАЛЬ «ЗВЕЗДЫ БЕЛЫХ НОЧЕЙ»: РОСКОШНЫЙ ГОДОВОЙ ОТЧЕТ МАРИИНСКОГО ТЕАТРА О ДОСТИЖЕНИЯХ, А ТАКЖЕ ВИЗИТЫ ЗАРУБЕЖНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

ЮРИЙ МАРТЫНОВ/КОММЕРСАНТЪ

ВАЛЕРИЙ ГЕРГИЕВ является не только одним из главных дирижеров мира, но и рекордсменом в смысле интенсивности своей деятельности.

Нет, понятно, что у всякого истового музыканта график должен быть до самоотречения строг. Но в случае Валерия Гергиева о таком заунывно-рутинном понятии, как график, вообще говорить неловко. Это такой образ жизни и стиль работы, который в графики втиснуть затруднительно. И никаких гипербол. На самом деле описание трудов и дней петербургского маэстро у людей совсем далеких от музыкальной жизни вызывает только недоверие: ну не может так быть. Люди менее далекие, ко-

нечно, верят, хотя и с изумлением.

Полететь в Америку с оркестром, сделать остановку где-нибудь в Вене, дать концерт там, потом сразу же после прилета опять отправиться дирижировать. Провести премьеру у себя в театре, назавтра полететь в Европу записываться, но вечером снова быть в оркестровой яме Мариинского театра — может быть, с опозданием где-то на часик, but who cares, как говорится. Дать подряд несколько концертов с оркестром в разных городах России, сразу улететь (опять же с труппой) за море, показать там что-то категорически неподъемное вроде «Кольца Нибелунга», немедленно прилететь в Москву и в день прилета

выступить дважды, а потом быстро в Петербург. Приехать откуда-нибудь издалека утром, порепетировать с оркестром весь день, вечером отправиться дирижировать на премьеру в Парижской опере — одна беда, на дороге в Пулково пробки, и собравшийся на премьеру парижский свет, что ж делать, с благоговением ждет, когда же маэстро прибудет с задержавшегося рейса.

Одним словом, это героический эпос, в котором главный герой ведет борьбу со временем и расстояниями и то и дело берет верх. Как — это совершенно непостижимо. Главный дирижер второго театра в государстве, который он сам сделал одним из первых театров мира; его же ху-

дожественный руководитель; его же генеральный директор, что означает, что на нем так или иначе замкнут колоссальный объем административных вопросов, включая — на минуточку — строительство Мариинки-2 и Фестивального дворца в Новой Голландии. Главный приглашенный дирижер Роттердамского филармонического оркестра, главный дирижер Лондонского симфонического оркестра, и это не просто титулатура, это еще и жестко прописанное в контракте солидное количество концертов и репетиций. Одних личных фестивалей три — в Роттердаме, Петербурге («Звезды белых ночей») и Москве (Пасхальный фестиваль, который на самом деле охватывает обычно немало городов помимо столицы), и это при несчетном количестве концертов и спектаклей по всему миру.

И попробуйте заметить в его работе усталость и вялость, даже если точно известно, что он вторые сутки не спит. Это оркестранты, несмотря на гальванизирующее действие чистого ужаса перед их руководителем, могут поддаваться утомлению, а он как будто бы нет. В общем, мистика, в чем-то даже пугающая. Вроде бы по современным законам жанра мастер культуры пугать не должен, а должен быть элегантным светским человеком, любящим пожить так, чтобы было, конечно, одухотворенно, но в свое удовольствие. А тут какое же эпикурейство, достаточно посмотреть на афиши — что российские, что заграничные, с которых шеф Мариинского театра смотрит обычно с таким выражением, что холод пробирает.

В действительности можно и смекнуть, что это постоянное состояние цейтнота, аврала, критической ситуации — в общем, вызова обычным человеческим способностям само по себе мощнейший стимулятор. У которого, однако, две проблемные стороны. Во-первых, привыкание. Во-вторых, этот опыт в сложившейся ситуации сложно в порядке обучения кому-нибудь передать. Если, конечно, не найти наконец способ делать из двадцати четырех часов полноценные тридцать шесть. Да только и они будут, можете не сомневаться, сразу же забыты под завязку.

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВ